

Древности Кубани

**Материалы семинара посвященного 85-
летию Никиты Владимировича Анфимова**

**Краснодар
1997**

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

Печатается по решению Ученого Совета Красно — дарского государственного историко — археологического музея — заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

НИКИТЕ ВЛАДИМИРОВИЧУ АНФИМОВУ - 85 лет

Труд настоящего ученого - это труд подвижника - каждодневный, неустанный, без громких слов, без всенародной известности, которая сопутствует писателю или артисту. О них вспоминают тогда, когда открывают книгу, приходят в музей. К таким подвижникам принадлежит и Никита Владимирович Анфимов - ученый, историк, археолог, краевед. Его имя известно и за рубежами нашего Отечества. Оно занимает особое место в летописи культурной жизни нашего края. Его вклад в дело изучения истории Кубани можно сравнить только с вкладом Е.Д.Фелицына, основателя Краснодарского музея. Книги и статьи Н.В.Анфимова один из основных источников кубанского краеведения. Археологические коллекции, собранные им за долгие годы упорного труда - основа музейного фонда, музейной экспозиции и по сей день.

Никита Владимирович Анфимов родился в августе 1909 года в семье известного ученого психиатра Владимира Яковлевича Анфимова, одного из основателей Кубанского медицинского института, организатора кафедры невропатологии. Уже в школе у Никиты Анфимова проявился интерес к истории. Его учителем был М.В.Покровский, собравший увлекающихся археологией и историей ребят в кружок при Второй краснодарской школе. Кружковцы принимали участие в обследовании правобережья Кубани и в раскопках меотского городища КРЭС (Краснодарская электростанция).

В 1927 г., окончив школу, Н.В.Анфимов поступил в Кубанский медицинский институт и закончил его в 1931 г.. Интерес к истории и археологии, во время учебы в медицинском вузе, не пропал. С 1928 г. Никита Владимирович - внештатный сотрудник Кубанского научного музея. А в декабре 1930 г. он был зачислен в штат музея.

В 1934 г. в Краснодарском пединституте открылся исторический факультет, и Н.В.Анфимов становится его студентом. Учится он не прерывая работу в музее, и успешно заканчивает факультет в 1936 году.

За это время будущий ученый получает практику в археологических экспедициях на Таманском полуострове. Эти экспедиции возглавляли известные советские археологи. В 1928 г. Н.В.Анфимов трудится в экспедиции профессора А.С.Башкирова, исследовавшего античный город Патрей. В 1930 г. он работает сезон в экспедиции ГАИМК возглавляемой профессором А.А.Миллером на раскопках Таманского городища.

В 1934 и 1935 гг. Н.В.Анфимов набирается опыта в экспедиции профессора В.А.Городцова на Елизаветинском городище. А с 1936 г. Никита Владимирович ежегодно работал в Фанагорийской экспедиции, руководя отрядом. В довоенные годы эту экспедицию возглавлял В.Д.Блавацкий, а позднее М.М.Кобылина. С 1952 по 1955 годы работа в Таманской экспеди-

ции академика Б.А.Рыбакова.

Одновременно, с 1936 г. Анфимов организует и руководит археологическими экспедициями Краснодарского музея. Таким образом, он ежегодно работает в двух или в трех экспедициях. А с 1937 г., не прерывая работу в музее, Н.В.Анфимов преподает на кафедре Краснодарского пединститута.

Сейчас трудно представить, как он по всюду успевал. Только обладая его колоссальной энергией и работоспособностью, можно было охватить весь этот разнообразный и гигантский объем работы.

Прекрасная память Никиты Владимировича хранит много ярких эпизодов из довоенной и послевоенной жизни нашего края. Его память - живой исторический источник тех драматических десятилетий. Многим студентам доводилось слушать рассказы из его богатой событиями жизни.

За многие десятилетия своей научной деятельности Н.В.Анфимов руководил и работал в сотне археологических экспедиций. Многие из них дали замечательные научные результаты.

1936 — 38 гг. - раскопки Усть - Лабинского могильника N 2, материалы которого легли в основу периодизации меотской культуры.

1938 — 53 гг. - раскопки Семибратнего городища на территории Древней Синдики. Эти коллекции одни из самых крупных в фондах Краснодарского музея.

1958 — 59 гг. - раскопки Николаевского и Кубанского протомеотских могильников, позволившие проследить генезис меотской культуры.

1950 — 60е гг. - ряд экспедиций по обследованию Закубанья и раскопки поселений и могильников этого региона, благодаря которым были впервые найдены памятники кубанской культуры на территории края и установлена непосредственная преемственность между позднемеотским и раннесредневековым населением Закубанья.

Конец 60—х — начало 70—х гг. - исследование городищ и могильников правобережья Кубани и Закубанья в зоне строительства Краснодарского водохранилища и курганных могильников в Тимашевском районе.

Никита Владимирович, как ни кто другой знает наш край и его памятники - он исходил и изъездил его многократно в самых разных направлениях -от Тамани до Ставрополя, по Черноморскому побережью - от Анапского района до р. Псоу и Красной Поляны. Обнаружены и описаны сотни археологических памятников. На многих из них проведены раскопки. Правая терраса р. Кубань обследована от ст. Марьянской до ст. Прочноокопской. Обследовано Восточное Приазовье и, в меньшей мере, степи правобережья Кубани.

Свою научную деятельность Никита Владимирович посвятил изучению раннего железного века Северо - Западного Кавказа, хотя в его ис-

следованиях и публикациях уделялось внимание и другим периодам древней истории края. Им выделена меотская культура аборигенного населения и установлено, что меоты являются одним из отдаленных предков адыгов. Последнее обстоятельство в настоящее время приобретает особую актуальность. Изучены материальная культура, общественный строй и религиозные верования меотов. Установлена восточная граница расселения меотских племен. Уточнена территория занимаемая в прошлом племенем сингов.

Н.В.Анфимов - постоянный участник научных конференций, международных симпозиумов, ежегодных сессий Института археологии АН СССР и научных семинаров. Им опубликовано более ста научных и научно - популярных работ, а многие научные издания вышли под его редакцией.

В 1954 г. Анфимов защитил кандидатскую диссертацию и получил в 1965 г. звание доцента. С 1968 года он заведовал кафедрой Всеобщей истории в Краснодарском пединституте, а в 1972 г. ВАК утверждает Анфимова в ученом звании профессора Кубанского университета.

Работая в течении 44 лет в пединституте а затем в университете, Никита Владимирович воспитал много учеников, ставших преподавателями школ и вузов, сотрудниками музеев, археологами. Он вдохновенно руководил научным студенческим обществом - археологическим кружком. Вместе со студентами организовывал и проводил региональные студенческие конференции. Его ученики выезжали с докладами на Всесоюзные студенческие конференции, которые ежегодно проходили при Московском университете. Несколько поколений студентов исторического факультета помнят его как одного из самых любимых преподавателей.

Каждый студент - историк как лучшее воспоминание своих студенческих дней хранит в памяти археологическую практику, где Никита Владимирович своим личным примером являл яркий образец удивительно оптимистического отношения к жизни. В 60 лет, например, он мог, стоя в глубоком раскопе, неутомимо работать лопатой, выбрасывая землю, соревнуясь с молодыми ребятами и опережая их. А после этого по солнцепеку идти своей стремительной походкой по нескольку километров, чтобы поспеть в другой археологический отряд, неся с собой бодрость, энергию, душевный подъем.

Бывали сезоны требовавшие от него особого напряжения. Так было в 1972 г. . В том году должны были заполнить чашу Краснодарского водохранилища. В сентябре большой отряд, в составе которого были студенты Кубанского университета, сотрудники музеев края, выехал на левый берег р. Кубани на раскопки меотского городища близ аула

Казазово. В слоях городища неожиданно был обнаружен средневековый могильник. Раскопки были продолжены в октябре и ноябре. Всего удалось исследовать более 900 погребений. Работы было так много, что черновую расчистку вели иногда ночью при свете фар скреперов и фонарей. Никита Владимирович руководил огромной экспедицией (более 100 человек), успевая вести дневник, раздавать задания помощникам, чертежникам, фотографам, художникам, присматривать за кухней и одновременно выезжать в Краснодар, чтобы читать лекции в университете. Несмотря на дождь, холодную осеннюю погоду, ночевку в промокшей палатке, он вставал первым и будил лагерь своим мощным голосом: "Довольно спать, пора вставать!" И этим же вечером мог подолгу сидеть у костра, делясь воспоминаниями, отвечая на вопросы, а то и просто, слушая песню.

Богатый жизненный опыт помогал Н.В.Анфимову в работе секции краеведов в Доме ученых, председателем которой он являлся многие годы.

За большой вклад в изучение прошлого адыгейского народа Республика Адыгея 30 сентября 1993 года почтила Никиту Владимировича Анфимова званием "Заслуженный деятель науки Республики Адыгея". Хочется верить, что и кубанская научная общественность также отдаст должное заслугам профессора Н.В.Анфимова.

Е.А.Хачатурова (Ярковая)

Два кобанских предмета из Абинского народного музея

Первые же находки кобанских древностей, совершенные более ста лет назад, поразили научную общественность Европы выразительностью стиля художественной бронзы, изяществом и разнообразием ее форм. С тех пор исследователи изучают эту оригинальную культуру древнего населения Кавказа и стараются учесть все новые находки. Новые материалы всегда представляют большой интерес для специалистов, так как они расширяют источниковедческую базу для исследований.

В предлагаемой публикации авторы вводят в научный оборот два кобанских предмета волею случая оказавшихся в фондах Абинского народного музея.

Летом 1990 года житель станицы Николаевской Северо-Осетинской АССР Вячеслав Валентинович Четырбок нашел в окрестностях своей станицы небольшой сосудик и бронзовую пластину с гравированным орнаментом. Найдены они были в земле рядом друг с другом. По его словам место это находится "у подножия Змейских гор". В том же году В.В.Четырбок переезжает на постоянное место жительства в город Абинск Краснодарского края. Вскоре, оба предмета были им переданы в музей абинской школы №4. В 1995 году эти предметы вместе с другими поступают из школы, в связи с ликвидацией музея, в Абинский народный музей, где они находятся и в настоящее время. Дополнительной информации о месте и условиях находки сосудика и бронзовой пластины получить у В.В.Четырбока нельзя, так как несколько лет назад он умер.

Ниже приводится краткое описание предметов и некоторые наблюдения авторов.

Сосудик сероглиняный лепной (рис. 1, 1). Он имеет реповидное тулово, слабовыделенное и слегка вогнутое дно. Горло короткое в верхней части имеет форму раструба. Венчик — закруглен. На плечиках тулова имеются три сосцевидных налета сильно приплюснутых сверху и снизу. Сосудик имел вертикальную ручку крепившуюся к венчику и плечу сосуда. Она была утрачена еще в древности. Определенно о ней можно сказать лишь то, что в нижней части она была круглого сечения а в верхней части была уплощенной. Ручка поднималась выше горловины. Об этом свидетельствуют сохранившиеся корни ручки. На изломе черепок более светлый чем на поверхности. Тесто содержит значительную примесь кварцевой дресвы.

Размеры сосуда: высота- 8 см, диаметр тулова- 8,8 см, диаметр дна- 5 см, диаметр горла по венчику- 7 см.

Пряжка бронзовая литая в виде подпрямоугольной пластины (рис.1, 2). Лицевая сторона покрыта врезным орнаментом. Большую часть поверхности занимают пять параллельных друг другу рядов спиралей. В каждом

ряду по 14 спиралей. Каждая спираль соединена с двумя соседними спиралями своего ряда. Крайние спирали ряда соединены с крайними спиралями соседнего ряда. Орнамент из спиралей взят в прямоугольную рамку из двойной врезной линии. Параллельно одной из длинных сторон пластины имеется двойная врезная линия, по которой через равные промежутки пробито 18 сквозных отверстий. Эти отверстия служили для крепления пряжки к поясу. На оборотной стороне пряжки сохранилось основание крючка в виде треугольной пирамидки. Оно находится у края длинной стороны пластины не имеющей отверстий. Сама пластина имеет утраты из-за механических повреждений и коррозии. Так отдельные края обломались, пластина погнута и хорошо видны трещины на ее поверхности. Коррозия уничтожила часть врезного орнамента, но его детали без труда реконструируются из-за повторяемости его деталей.

Размеры пряжки: глина - 12,7 см, ширина - 5,7 см, толщина - 0,11 см.

Аналогии нашему сосуду находим в памятниках центрального варианта кобанской культуры. Еще Э. Шантр опубликовал близкий сосуд из Верхне-Кобанского могильника (5, рис.2, 13). Из этого же могильника происходит сосудик, хранящийся в Венском естественно-историческом музее и опубликованный П.С.Уваровой (10, рис.70). Позднее, сосуды этого типа были найдены в комплексах 11 и 18 могильника Верхняя Рутха (7, таблицы XLI, 21,22; XLIII, 1,3,5) и в Николаевском могильнике (Осетия) (6, рис.10, 10). Известны такие сосуды и в материалах поселений. Например, среди находок Змейского поселения (2, рис.4, 2, рис. 71, 3,8). Эти сосудики называют и круглодонными чарками с высокой ручкой (7, с. 224) и кувшинчиками-черпачками (2, с.20). Они часто украшены вертикальными каннелюрами, врезным орнаментом или соцветиевидными налепами. Исследователи Змейского поселения выделили маленькие черпачки (h — 4—6 см) в отдельный V тип сосудов. Хотя, наш сосудик несколько больше по размерам по всем остальным признакам он близок именно черпачкам.

Бронзовые пластинчатые пряжки являются этническим индикатором кобанской культуры. Однако, пряжки у которых слабо выражен треугольный выступ встречаются редко. Две такие пряжки из Верхне-Кобанского могильника опубликовала П.С.Уварова (10, таб. XX, 4). Абинский же экземпляр совсем не имеет треугольного выступа. Спиралевидный орнамент широко распространен в кобанских древностях. Им украшали не только пряжки разных типов (10, таб. XIX, 3; 8, рис.102, 29—31,49; 4, таб. XX, 8,13, XXXI, 1) но и сами бронзовые пояса (8, рис.100,101). Спирали покрывали топоры (3, рис.10) и клинки кинжалов (8, рис. 87,6), женские украшения и фигурки животных (10, рис.51; 3, рис.165). Наконец, даже отдельные детали предметов выполнялись в виде спиралей, как концы у крючков и пластинчатых браслетов (8, рис. 55, 1—16, рис. 109, 1—17). Реже встречаются многорядные композиции из спиралей, как на абинской пряжке. Единственный аналог происходит из Верхне-Кобанского могильника. Это фрагмент бронзовой пластины, возможно, от пряжки, на котором сохранились 3 ряда врезных

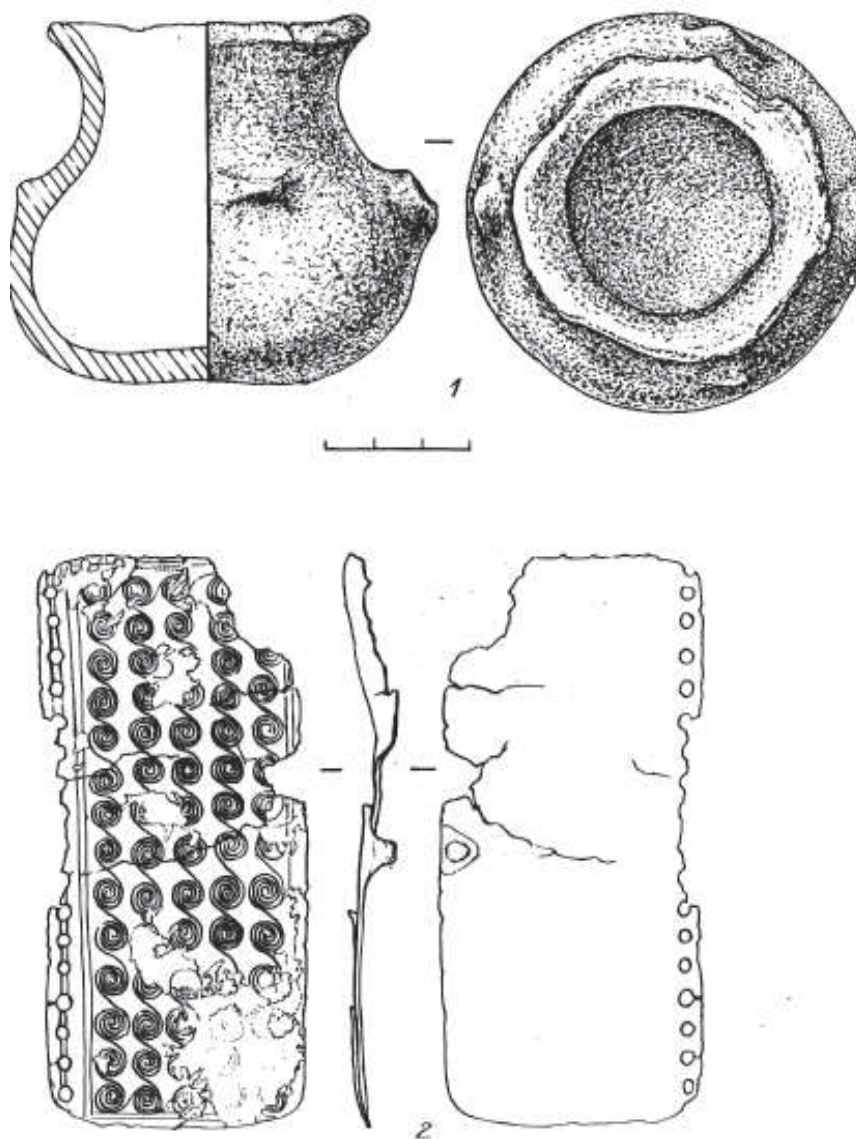

Рис. к статье Два кобанских предмета из Абинского народного музея
Кобанские предметы из Абинского народного музея: 1. сероглиняный лепной
сосудик; 2. бронзовая пластинчатая пряжка.

спиралей (10, таб. XXXVII, 2).

Семантику этого орнамента подробно разбирает Ариэль Голан (см. 1, с. 70 — 74), но мы на этом останавливаться не будем.

Датировать эти предметы довольно сложно. Так сосудик аналогичный абинскому В.И.Козенкова поместила в таблицу периода Кобан II, который датировала серединой XII — рубежом XI—X, возможно, началом X вв. до н.э. (6, рис.35; с.94). Змейское поселение исследователи отнесли к X—VIII вв. до н.э. (2, с. 36). В.И.Козенкова датирует его значительно шире — XII — VIII вв. до н.э. (6, с.147).

Пряжка не имеет надежно датированных аналогий. Отметим, что по материалам Тлийского могильника спиралевидный орнамент встречается на пряжках от XII до IX вв. до н.э. (8, рис. 102; 9, с.6, таб.64,66,68).

Вероятно, оба предмета могли бытовать от середины XII до VIII вв. до н.э..

В районе ст.Николаевской известны памятники центрального варианта кобанской культуры: могильник и поселение. На могильнике вели работы В.А.Кузнецов и Т.Б.Тургиев. В.И.Козенкова отнесла материалы из могильника к VIII—VII вв. до н.э. (6, с.17).

Как ни заманчиво было бы связать абинские предметы с Николаевским могильником, но мы не располагаем достоверными фактами подтверждающих это.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голан Ариэль. Миф и символ. Москва, 1993
2. Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры// Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Оржоникидзе, 1961
3. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. Москва, 1984
4. Козенкова В.И., Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. Вып. В2-5. Москва, 1982
5. Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы// СА, 1990, N 3
6. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. Москва, 1996
7. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. Москва, 1960
8. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. Москва, 1977
9. Техов Б.В. Тлийский могильник (комплексы IX- первой половины VII вв. до н.э.). II, Тбилиси, 1981
10. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа// МАК, вып. VIII. Москва, 1900

Фоменко В.А., Рудницкий Р.Р., Берлизов Н.Е.

ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ОКРЕСНОСТЕЙ г. ЖЕЛЕЗНОВОДСКА

Летом 1990 г. на западной окраине г. Железноводска при разработке карьера был разрушен могильник (т.н. "Железноводский N 2"). Он расположен на вершине, южном и западном склонах мысообразной возвышенности из плотной глины и мергеля высотой 4м. В слое глины на глубине 0,8 — 1,5м. рабочими разрушены около 30 погребений. Материал из них передан в Железноводский краеведческий музей.

Интерес представляет захоронение женщины в могиле N2. Погребение совершено в центральной части могильника в прямоугольной яме с закругленными углами. Верхняя часть ямы примерно на 0,45м. срезана бульдозером, глубина сохранившейся части — 0,8м. Верхняя часть ямы на 0,7м. в глубину завалена камнем (рис.2). Между камнями, особенно в нижней части ямы зафиксировано значительное количество древесного угля (рис.3).

Костяк средней сохранности лежал вытянуто на спине головой на запад (рис.1). При этом, левая рука была вытянута вдоль туловища, а правая при костяке отсутствовала и находилась между камнями завала наклонно в 0,4 — 0,5м. от дна ямы. Кости правой руки располагались *in situ*, на запястье находился бронзовый неорнаментированный браслет (рис.4). На дне ямы у южной стенки обнаружен черноглиняный неорнаментированный сосуд типа миски, снять который не удалось. На костях запястья левой руки найден бронзовый браслет с зооморфными окончаниями (рис.5). Слева от головы лежала низка раковин — каури со спиленными в разной степени спинками (33 экз.) (рис.12). В области шейных позвонков и ключиц найдено ожерелье из бус: янтарная (рис.7) семь из стекловидной пасты (синяя с девятью глазками — рис.6; две синие без глазков — рис.8,9; голубая — рис.10; три оранжевые — рис.11, пять бронзовых полых (рис.13). Датировка комплекса по аналогиям пастовым и бронзовым бусам и браслету из Лугового могильника укладывается в рамки VI — Vвв. до н.э.

Важной деталью погребального обряда является зафиксированное отчленение правой руки погребенной. Его можно соотнести с описанным Геродотом ритуалом отсечения скифами правой руки у врагов, приносящих в жертву богу войны (1,IV,62). Это сообщение подтверждается материалами скифского святилища IVв. до н.э. в Уляпском кургане N1 / 1981, где у принесенного в жертву юноши была отчленена правая рука (2,с.41) и в кургане 4 / 1982 и 5 / 1982, где также открыты расчлененные костяки. Данный обряд или его реминисценции прослежены также в погребениях сарматов и алан. Так у женщин погребенных в Кобяковском к.10 и Соколовой Могиле были отчленены кисти рук (3,Табл.), тот же обряд прослежен в женском п.10 кургана у хут.Песчаного (4). В сарматском святи-

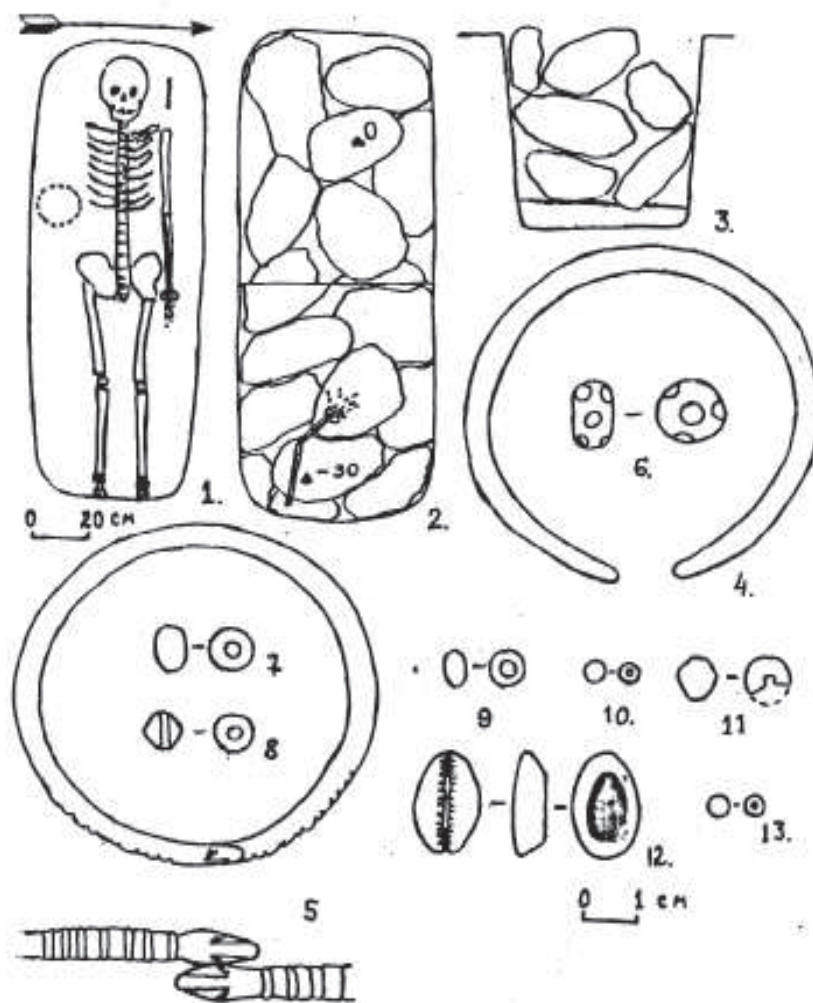

Рис. к статье Погребение скифского времени из окрестностей г. Железноводска

лице в Курганинском кургано — кладбище обнаружен расчлененный костяк человека, правая рука которого лежала отдельно в анатомическом порядке (5, с. 48). В аланской среде мы встречаемся с отчленением у погребенных кистей рук или стоп ног, а иногда с полным ритуальным разрушением костяка погребенного. Последнее уже связывается не с культом бога войны, а с боязнью покойных (7). Во всех случаях обряд, прослеженный в рассмотренном выше погребении, уводит нас в мир ираноязычных кочевников. Параллелей в каменно-бронзовую — березовской группе VI — V вв. до н.э. он не находит. Появление этого обряда в Пятигорье очевидно следует связывать с усилением культурно — регионального влияния степного (скифского) мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геродот. История. М., 1972.
2. Балонов Ф.Р. Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо - сибирский мир. Новосибирск, 1987.
3. Раев Б.А., Яценко С.В. О времени первого появления аланов в Юго - Восточной Европе (тезисы) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти акад. М.И. Ростовцева). Новочеркасск. 1993.
4. Ждановский А.М. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
5. Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Раскопки кургана - кладбища в Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани Краснодар, 1987.
6. Каминский В.Н. Алано - болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА, 1987, №4.
7. Флеров В.С. Обряд обезвреживания покойных у праболгар // Проблемы на праболгарската история и култура. София, 1989.

Харадина З.Е.

НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ НЕКРОПОЛЯ ГОРГИППИИ (из коллекции Анапского музея).

Памятники надгробной скульптуры являются важной составной частью погребального комплекса и погребального обряда в целом. Их систематизация и анализ с территории одного памятника позволяет определить тенденции, закономерности, особенности, характерные для данного некрополя.

С территории некрополя Горгиппии происходит более ста памятников надгробной скульптуры, из них 90 % изготовлено из местного мелкоструктурного камня.

турного известняка — ракушечника. По видам памятников коллекция распадается на следующие группы :

- 1 / плиты с рельефом — 34 %,
- 2 / антропоморфные — 28 %,
- 3 / стелы с фронтоном — 20 %,
- 4 / статуи — полуфигуры — 16 %,
- 5 / стелы с надписью — 2 %.

Плиты с рельефами включают в себя все мраморные надгробия музейной коллекции, среди них выделяются аттический рельеф IVв. до н.э. и трехъярусное боспорское надгробие Iв. н.э. Известняковые стелы с рельефами из Горгиппии систематизировал Н.И.Сокольский и, вместе со статуями — полуфигурами, отнес их к группе памятников синдской скульптуры.

Особняком стоит надгробие в виде спеленатой человеческой фигуры с рельефным проработанным лицом и следами раскраски.

Одна треть определенных надгробий — женские, остальные — мужские.

Антропоморфные надгробия представлены самыми разными типами, среди них выделяется одно — со схематически обозначенными чертами лица.

Надгробия с фронтоном являют собой прямоугольные стелы с треугольным рельефным фронтоном в верхней части. Фронтон часто украшен акротериями. Розетты или просто рельефные круги встречаются в различных вариантах в центре фронтона и под ним.

На некрополе Горгиппии найдены две надгробные стелы, содержащие только надпись : надгробие пелопонесца Филоксена из Гелики VI — Vвв. до н.э. и надгробие Микки из Гераклеи IVв. до н.э.

Новичихин А.М.

ВТОРИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИЧНЫХ МОНЕТ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ МОГИЛЬНИКЕ АНДРЕЕВСКАЯ ЩЕЛЬ

При охранных раскопках средневекового могильника Андреевская щель, проведенных археологическим отрядом Анапского музея в 1991 и 1992гг., было найдено две античные монеты.

Первая была найдена в погребении 5 — кенотафе конца XI — пер.пол. XIIвв. Монета находилась за спиной сопровождавшего комплекс захоронения коня, отдельно от остального инвентаря, но, как и другие помещенные в могилу предметы, несла следы пребывания в огне — была покрыта коркой прикипевшей к металлу золы.

Монета медная, хорошей сохранности:

Л.с. — голова царя вправо, надпись по кругу ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ

О.с. — палица с наброшенной шкурой льва, слева лук в горите, справа

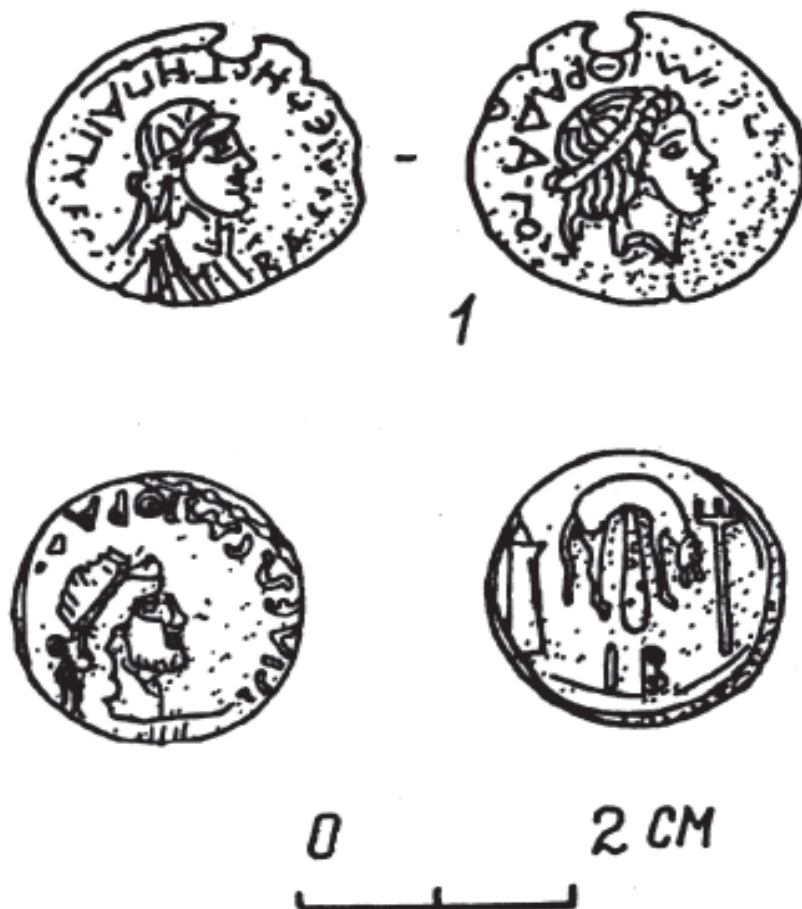

Рис. к статье ВТОРИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИЧНЫХ МОНЕТ НА
СРЕДНЕВЕКОВОМ МОГИЛЬНИКЕ АНДРЕЕВСКАЯ ЩЕЛЬ

1 - монета из перекопа

2 - монета из погребения 5

трезубец, внизу обозначение номинала — IB (асс). Вторая монета найдена на участке перекопа нового времени вместе с предметами, выброшенными из разрушенных погребений XI — XII вв.: наконечниками стрел, деталями колчана, обломками сабель, несущими следы пребывания в огне.

Монета медная, хорошей сохранности, у верхнего края монеты пробито отверстие:

Л.с. — голова царя вправо, надпись по кругу ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ

О.с. — головы царицы вправо, надпись по кругу ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΝΙΠΑΠΥΡΕΩΣ, справа обозначение номинала — IB (асс).

Обе монеты относятся к чекану боспорского царя Митридата VIII и датируются 39/40 — 41/42 гг. н.э. (1, с.151. табл.12,330,331).

Монета из разрушенного погребения, судя по всему, служила амулетом или украшением — отверстие у верхнего края указывает на использование ее в качестве подвески.

Монета из погребения 5 была, очевидно, помещена в кенотаф в ритуальных целях, быть может в качестве заупокойного дара. То, что монета была обожжена вместе с остальным инвентарем, но лежала отдельно от него, свидетельствует о ее особом значении при совершении погребения, возможно она расценивалась как престижная вещь или ценная реликвия.

Вопрос о происхождении монет не вызывает трудностей — могильник частично перекрывает поселение античного времени, с которого видимо, обе они и происходят. Принадлежность монет чекану одного царя — Митридата VIII, правившего непродолжительное время (около пяти лет) и их хорошая сохранность не исключают вероятности того, что они происходят не из культурного слоя, а из монетного клада. В Анапском районе у с.Сукко в 1963 г. был найден клад, основная часть которого относилась к чекану Митридата VIII. Его сокровище связывают с междоусобной войной между Митридатом и его братом Котисом (2, с.61 — 63). Возможно, в районе Анапы таких кладов было несколько. Один из них и мог послужить источником монет, использовавшихся в XI — XII вв. населением, оставившим могильник Андреевская щель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
2. Крушкол Ю.С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ, 1978, №4.

Берлизов Н.Е., Журавлев В.Г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ О ВАРВАРСКИХ ОБЩЕСТВ.

В последние годы все чаще делаются попытки проведения социальных

реконструкций на основе различных характеристик погребального обряда. Исследования такого рода проводились на материалах скифских могильников IV в. до н.э. (1), салтово — маяцкой АК и аланской культуры Северного Кавказа (2,3,4,5,6,7). В последнее время в них все чаще используются статистико — комбинаторные методы и ЭВМ (1,8). Большую роль в этом случае играет объем и характер исследуемой выборки, а также отбор признаков, по которым первые описываются и сравниваются. Довольно часто при этом объем выборки оговаривается специально, а вот признаки — индикаторы социального положения — отбираются достаточно произвольно. В число последних могут быть внесены все мыслимые признаки обряда (1) либо только один, например — наличие поясного набора (2). Математически это не обосновывается даже при использовании тем или иным исследователем статистики в своей работе.

Попытка такого обоснования сделана в работе Г.Е. Афанасьева. Он выделил 8 признаков в обряде донских алан, подсчитав их "веса", которые встречаются во всех салтовских могильниках и касаются наличия (или отсутствия) в погребениях элементов упряжи и конского убора, предметов вооружения, поясных наборов и тесел — "мотыжек". Ценность работы несколько снижается за счет искусственности выборки: в нее включались только индивидуальные погребения, тогда как значительное число салтовцев предпочитало коллективные. Включение же в расчеты материалов из последних могло сказаться и на выделении набора социально — дифференцирующих индикаторов.

Проверить список таких индикаторов для алан раннего средневековья и погребений их вероятных предков неожиданно удалось авторам данной работы. Целью нашей работы являлся именно поиск этнической группы (или группы), послужившей основой для образования аланского союза V — XIII вв.. Для этого в частности статистическими методами сравнивался погребальный обряд алан V — VIII вв. (68 компл.) и их вероятных предшественников (820 компл.) из числа жителей Предкавказья, Закавказья, Крыма, Северного Причерноморья, Задонья — Приуралья и Средней Азии. Значительный территориальный и хронологический (VII в. до н.э. — VIII в. н.э.) позволяет с большей, нежели ранее, вероятностью считать полученные выводы универсальными для варваров эпохи раннего железа и алан.

Один из таких "универсальных" выводов получен при исследовании погребального обряда в 497 мужских погребениях по 28 признакам. Фактор — анализ массива признаков методами вращения и главных компонент, проведенный с помощью программиста О.С. Рубанова на ЭВМ "ЕС 1810" позволил выделить 15 факторов, влиявших на обряд. Интерес вызывает фактор N10, влиявший на взаимодействие признаков 11 (элементы упряжи в погребении), 8 (лук, стрелы, защитное вооружение), 9 (меч, кинжал, топор), 13 (детали поясного набора, фибулы), 17 (амулеты, монеты, женские вещи, плиты или алтарики), 28 (металлические сосуды), 30 (стеклянные сосуды) и 7 (ориентировка погребенного). Легко убедиться, что этот список включает

почти все индикаторы социального положения погребенного, выделенные Г.А. Афанасьевым и еще четыре признака, которые также могут служить показателями положения мужчины в обществе. При дальнейшем исследовании массива мужских погребений выяснилось, что он распадается на три группы, различные по выраженности в них перечисленных выше признаков и богатству и торжественности обряда в целом. Первая группа объединила 10 погребений, выделяющихся своим богатством: полные наборы защитного и наступательного вооружения, гривны, браслеты, отделка костюма золотыми бляшками, наборы металлической и стеклянной посуды, детали упряжи встреченные вместе позволяют видеть в них представителей высшей социальной прослойки в варварском ("сотники") по Г.Е. Афанасьеву, "ка — тафрактарии" в нашей работе). Представители этой прослойки встречены в среде алан V — VIII вв. и сарматов Прикубанья. Вторая группа более многочисленна: около 150 погребений. Практически во всех из них встречено наступательное вооружение (мечи, стрелы, копья), часто встречаются украшения (хотя и меньше, чем в первой группе), количество сосудов варьирует от 0 до 7, при этом стеклянные и металлические встречаются редко. Эта группа — "меченосцы" по нашей терминологии — соответствует "высшей группе воинов второго ранга" Г.Е. Афанасьева и в разных этнических массивах представлена по разному. У алан V — VIII вв., протоалан Центрального Северо — Восточного Кавказа и их предков — поздних скифов Крыма и массагетов Ферганы и Хорезма такие погребения составляют до 20 %; у сарматов Задонья — Приуралья и Прикубанья по 34 %; у меотов кобанцев, племен Азиатского Боспора — около 42 %. Интересны протоаланские могильники Северного Ирана и Закавказья, где подобные погребения составляют 63 — 100 %, говоря о специальном (дружинном?) статусе этих кладбищ. В третьей самой многочисленной группе (334 компл.) оружие представлено очень ограничено, обычно только стрелами. Беден керамический набор, совсем не встречаются металлическая и стеклянная посуда, редки и бедны украшения. Эти захоронения рядовых общинников ("лучники" или второй низший ранг).

Всего выделено 32 признака, но четыре из них оказались специфически — женскими. Отдельно от всего массива рассматривалась также конструкция погребальных сооружений (9)

Таким образом, выделенная группа признаков обряда может служить для выделения реально существовавших в варварских обществах социальных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев, 1985
2. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967
3. Плетнева С.А. Средневековые амазонки в европейских степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысяч. н.э. Воронеж, 1983

4. Плетнева С.А. На славяно - хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
5. Михеев В.К. Сухогольшанский могильник // СА, 1986, N 3 6.
6. Флеров В.С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате // Вопросы этнической истории Волго - Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990
7. Савенко С.Г. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X - XII вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1989
8. Афанасьев Г.Е. Система социально - маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА, 1993, N 4
9. Берлизов Н.Е., Журавлев В.Г. Факторный анализ в исследовании погребального обряда (на материале катакомб сарматского времени Северного Кавказа) // Комплексные методы исследования археологических источников. Материалы к V совещанию 21 - 23 ноября 1989 г. М.

А. Бельский

Проблема битвы на реке Фат в 309 г. до Р.Х.

Основных проблем этого события несколько:

1. Неясно место битвы, и идентификация реки Фат.
2. Неуточнена дата битвы.
3. Невыявлена принадлежность фатеев к какому либо этносу.
4. Причина и масштаб войны.

Попробуем провести рекогносцировку на местности. Но прежде при — слушаемся к мнению предшественников, исследовавших этот вопрос: река Фат —

- а) одна из рек впадающая в Меотиду (В.В.Латышев);
- б) это один из нижних притоков (или руковов) реки Гипанис (В.Д.Бла — ватский);
- в) это сам Гипанис в нижнем течении;
- г) это Боспор Киммерийский, либо Танаис.

Для решения данного вопроса, как кажется, необходимо обратиться к самим источникам, то есть к Диодору Сицилийскому, а также к тем кто описывал географию этого края: Страбону, Арриану, Крисиппу и другим. Так Страбон указывает, что в устье реки Танаис /ныне Дон — А.Б./ недалеко от города Танаис находится остров Алопекий /возможно это о. Песчаный/. Отсюда до Тирамбы 2200 стадиев /у него же и до пос. Ахиллий/ по прямому морскому пути /то есть по дуге/. От Танаиса до реки Большой Ромбит 800 стадиев, а до Малого Ромбита еще 800. Тогда до Тирамбы должно

быть 600 стадиев, а от нее до Ахиллия еще 140.

Поскольку расстояния более или менее нам известны, а те же греки и римляне донесли до нас наименования всех рек бассейна Меотиды, то мы их можем попытаться идентифицировать: Танаис — Дон; Большой Ромбит — Ея; Теофаний — Челбас; Малый Ромбит — Бейсут; Антикит — Кирпили; Вардан и Псат ныне правобережные рукава Кубани, в том числе "Прото — ка". О последних говорится, что текут они с Гипейских /Конских гор и Кавказа. Замыкает этот ряд сам Гипанис, текущий с северных склонов Кавказа, через Гипейские горы сначала на север, а затем почти прямо на запад. Благодаря реконструкции Я.М.Паромова известно, что Гипанис /ныне Кубань/, проходя через Ахтанизовский лиман впадал в Корокон — дамское озеро /ныне Таманский залив/ напротив города Пантикапей /ныне Керчь/. Южный левый рукав Кубани через лиман /ныне Кизил — ташский/ впадал в Черное море против Китея, расположенного на Керченском полуострове. Из — за этого его называли Антикит. Но Антикит это не весь Гипанис.

Таким образом, все реки бассейна Меотиды, кроме одной, носящей ныне имя Кагальник и расположенной вблизи Танаиса, автором географических и исторических описаний были известны и ни одна из них не названа Фатом. О ее местонахождении тоже было известно. Следовательно здесь нет реки Фат!

Согласно описанию Диодора (XX,22), Крымский полуостров, Берега Боспора Киммерийского (или Танаиса), ближайшие притоки и рукава Гипаниса, омывающие "Таманский архипелаг" просто исключаются как место вероятной битвы. А памятуя о том, что военначальник Мениск, после смерти царя Сатира II, отступил от крепости на реке Фат и ушел в город Гаргазу, откуда по реке отправил тело царя в Пантикапей, мы можем уточнить о каких реках идет речь.

К Пантикапею несут свои воды "три" реки: Пантикапа [Мелек — Чесме?, ныне Приморская на Керченском полуострове]; Танаис [Боспор Киммерийский], уже исключенные по вышеуказанным основаниям; и Гипанис, выходящий напротив столицы Боспора. Но тогда Гипанис, к которому пришел Мениск от реки Фат, тоже исключается. Где — то ближе к горам, стоял на нем город Гаргаза, может быть пункт торговли с гаргаре — ями. Так как тело царя отправлено водным путем, то это можно было сделать из любых притоков Гипаниса в нижнем и среднем течении, что исключает их из кандидатов на реку Фат.

Теперь обратимся к титулатуре Спартокидов.

Левкон I: "Архонт Боспора и Феодосии, Василевс Синдов" (КБН)

Перисад I: "Архонт Боспора и Феодосии, Василевс Синдов, Торетов, Дандариев, Псессов" (КБН). "Архонт Боспора и Феодосии, Василевс Синдов и всех Маитов" (КБН). "Архонт Боспора и Феодосии, Василевс Синдов, всех Маитов и Фатеев" (КБН).

Обратим внимание на то, что никогда фатеи не смешиваются с Маи —

тами [меотами], и на то, что появились они в последние годы правления Перисада I. Значит они жили на границе Боспора и за пределами расселения "всех Маитов", то есть нынешней Приазовской Низменности. К тому же здесь текут известные нам реки на всем ее протяжении, берущие начало в Гипейских горах. Но здесь нет реки Фат. Она восточнее этих гор и, видимо, протекала вблизи или через них. Рядом должен быть Гипанис или его приток.

Поскольку Гипейские горы хорошо выявляются, как истоки вышеуказанных рек, возвышенности, примыкающие к Кавказу, то к ним можно отнести северные склоны самого Кавказа и Ставропольскую возвышенность. А протекает здесь Егорлык, река имеющая и крутые склоны и заболоченные низкие берега и места подходящие к описанию Диодора. Здесь могла кормиться конница Арифарна в 20 тысяч мечей, хватает места и для земледельцев. Арифарн имел мощное царство на восточной границе Боспора, если винов собралось у него более 40 тысяч человек. Наличие всадников и пехоты говорит о союзе кочевников и зависимых от них земледельческих племен, возможно меотов и гаргареев. Боспор при Перисаде, видимо, закрепил присоединение фатеев брачным союзом одного из младших сыновей Архонта, скорее Эвмела, с дочерью царя фатеев. Как это сделал в свое время Левкон, женив Перисада на Комасарии, дочери царя скифов.

Тогда события могли развиваться так: после смерти отца в 310, на трон сел старший брат Сатир II. Следующий брат, Эвмел предложил себя в качестве наместника или царя Азиатского Боспора, как дед Горгипп был царем Синдики и наместником Азиатской части государства. Сатир воспротивился, ссора перешла в борьбу. Осенью Эвмел бежал на восток к тестю Арифарну, желавшему независимости от Боспора. Подготовка к войне требовала времени. После осенней распутицы, зимних снегов, в апреле — мае 309 г. Сатир, имея 2000 фракийцев, 2000 греческих наемников, 20 тысяч пеших и 10 тысяч конных скифов — союзников пустился в путь по северному берегу Гипаниса, на восток к границе Боспора. Здесь он победил, разбив армию в 40000 человек, но погиб при осаде царской крепости на реке Фат [Егорлык?]. Мениск ушел к городу Гаргаза, здесь тело Сатира II перенес на корабль и отправил его вниз по Гипанису, прямо в Пантикапей [Все цари Боспора хоронились вблизи столицы, кенотафов, видимо, быть не могло].

Союзник Сатира, Агар, царь скифов, покинул Боспор, но принял к себе его сына. Учитывая проскифскую политику Боспора, можно считать, что и Сатир был женат на дочери варвара, скорее всего Агара. Притан же, самый младший брат, отказался делить власть с Эвмелом и потерял Боспор и саму жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаватский В.Д. Битва на Фате и новая греческая тактика IV в. до н. э. // ВДИ, 1946, N 1.

2. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949.
3. Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков// История и культура античного мира. М., 1977.
4. Корпус Боспорских надписей. М.-Л., 1965.
5. Латышев В.В. Известия древних авторов, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1992.
6. Логинов С.В. К вопросу о битве на реке Фат// Крымский п-ов в геополитических планах от античных времен до наших дней. Тезисы научной конференции. Симферополь, 1995.

А.И.Семенов

К оценке различий погребального обряда курганных захоронений типа Сивашовки и типа Соколовской балки

В многообразии степных подкурганных захоронений Восточной Европы 6—9 вв. выделяются две наиболее значимые численно и устойчиво — стью деталей обряда группы: впускные погребения с ориентировкой в основном на СВ или С /памятники сивашовского круга Нижнего Поднепровья и Восточного Приазовья/ и основные могилы под насыпями со рвами подквадратной формы /поминально — погребальные комплексы культуры типа Соколовской балки, распространенные преимущественно в Волго — Донском междуречье/ (8, с. 63; 9, с. 104/. Для интерпретации памятников двух этих групп и определения их соотношения особое значение имеет Восточное Приазовье, как регион, где 1) наиболее высока концентрация впускных погребений типа Сивашовки 2) письменные источники позволяют ожидать генетическую связь погребальных памятников создателей Великой Болгарии с предшествующими им захоронениями и в дельте Кубани близкие "сивашовцам" по обряду впускные "постгуннские" захоронения уже появляются (Малаи, раскопки Н.Ю.Лимберис) 3) намечается западная граница распространения культуры "квадратных ровиков" \Соколовской балки\ 4) представлен единичный пока случай прямой стратиграфии погребения сивашовского типа и прорезавшего его рва хазарского времени (11, Лебеди).

Многочисленные существующие опыты группировки и интерпретации курганных могил 6—9 вв. их соотношения друг с другом и памятниками перещепинского типа приводят авторов к разным и часто взаимо — исключающим результатам. Наибольшую близость обнаруживает аргументация — она предельно лаконична у всех. Общим оказывается и отказ от охвата максимального числа анализируемых подкурганных объектов. Чаще всего исследователи оперируют локальными или хронологическими группами. Так, вывод А.И.Айбабина о хазарской принадлежности Ясинова и достаточно разнородной серии предоставленных им "аналогий" прозвучал

бы менее категорично, если бы были учтены действительно родственные поднепровским захоронения сивашовского круга из Прикубанья (1, с. 202), которые сложнее признать хазарскими и по географическим и по хронологическим основаниям. Уже впускные кочевнические погребения VII в. в курганах Украины \Рисовое\ позволяли сомневаться в обособности представлений об их единичности и разбросанности по степи (7, с. 45; 9, с. 103), не отраженные же в сводке погребений сивашовского круга курганы кубанской дельты (9, с. 102), дополняя ее, образуют беспримерный по концентрации памятников этого типа регион (раскопки В.А.Скарбовенко, И.А.Сорокиной, Я.М.Паромова, Г.Г.Пятыха). В нем впускные погребения VII в. располагаются в соседних курганах одной группы по 2 и более, или даже в пределах нескольких близкорасположенных групп, образуя целые скопления.

Подобно А.И.Айбабину, связавшему с хазарами часть впускных ("болгарских" в моей классификации) погребений VII в. (ср. 6; 2, с. 151–155; 14, с. 9–11; 13, 196, 197;), Е.В.Круглов распространил на них хазарскую принадлежность курганов с "квадратными" ровиками на основании нового аргумента: предполагаемой им генетической преемственности групп памятников. Несовпадение основных ареалов не является по его мнению достаточным для установления разнотуристности (5, с. 15; ср. 4, 46–50). С позиции же поволжских археологов, болгарам принадлежат не только выявившиеся у них в последние годы курганы с "квадратными" рвами, но и донские погребения этого типа (3, с.16).

Более корректные оценки рассматриваемых материалов достижимы при возможно полном охвате курганных погребений 6–9 вв. В настоящее время в пользу разнотуристности "сивашовцев" и "квадратных" рвов особенно убедительно может свидетельствовать группа последних, лишенная погребений под курганами внутри ровиков. Эти, по – видимому, поминальные памятники, известные прежде только на северной границе группы, выявлены теперь и на западе, среди впускных погребений Прикубанья (11, Лебеди). Реальность этой культурной границы подтверждает и впускное погребение с обкладкой лука хазарского типа (раскопки И.А.Сорокиной в Греках), т.к. для территории основного ядра культуры "квадратных" ровиков погребения с инвентарем такого облика во впускных могилах нехарактерны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА, 1985, N 3
2. Атавин А.Г., Паромов Я.М. Болгарское погребение с золотым поясным набором из Нижнего Прикубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. 1991
3. Багаутдинов Р., Набоков А. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. 1993
4. Круглов Е.П. Памятники авиловского типа и проблема их этно-культурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции 23 - 27 января

1990 года). Пенза. 1990

5. Круглов Е.П. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности / Межрегиональная конференция Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды . Волгоград. 1992

6. Орлов Р.С. Культура кочевников IV-VIII вв. // Этнокультурная карта Украинской ССР в I тысячелетии н.э. Киев. 1985

7. Плетнева С.А. Хазары. М. 1986

8. Семенов А.И. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе. КСИА, 1987. 192

9. Семенов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ 29. 1988

10. Семенов А.И. Византийские монеты Келегейского комплекса // АСГЭ 27. 1991

11. Скарбовенко В.А. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства ПКОСа в 1982г. /Курганные группы Малаи/. Архив ИА РАН (Москва). 1983

12. Сорокина И.А. Отчет о раскопках курганной группы Малаи. Архив ИА РАН (Москва). 1982

13. Стрлхар М.М. Кочевницьке поховання біля с. Журавлиха на Кілівщині // Історія і археологія Слободської України. Харків. 1993

14. Тарабанов В.А. Памятники оногуров на Кубани // Межрегиональная конференция Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды . Волгоград. 1992

Тарабанов В.А.

ИНГУМАЦИОННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В МОЛДАВАНОВСКОМ О КРЕМАЦИОННОМ МОГИЛЬНИКЕ (ПО РАСКОПКАМ 1989Г.)

В 1989 году археологической экспедицией Краснодарского музея под руководством автора было проведено исследование кремационного средневекового могильника у пос. Молдовановское Крымского района.

Всего раскопано 38 погребений, одно из которых (погребение N28) не "вписывается" в общую картину могильника — оно представляет ингумацию (1,с.76). Захоронение, в отличие от неглубоких (0,3—0,5м. от поверхности) кремационных могил, совершено на глубине 1,05м. Могильное сооружение проследить не удалось, но судя по расположению погребенного и инвентаря, это была узкая яма. Скелет человека лежал на спине

вытянуто, ориентирован головой на север — северо — восток. Руки были вытянуты, кисти находились в области таза. С погребенным были положены следующие вещи: два наконечника копий с треугольно — вытянутым пером ромбического сечения (рис.1;1,2) — у черепа, остриями на север — северо — восток; ножи — 3шт.(рис.1;5 — 7) лежали вместе у левого предплечья. Один нож имел железное навершие (рис.1;5а). От ножен сохранилась тонкая бронзовая обойма; тонкие бронзовые пластинки — широкие фронтальные, узкие крайние, соединяющие верхнюю и нижнюю части наконечников (рис.1;11 — 15) лежали у середины левого бедра и между бедренными костями; на левом запястье находился фрагмент (половина) бронзового браслета (рис.1;10); здесь же на бедренной кости лежало небольшое тесловидное орудие с "прикипевшей" к нему железной пластиной (возможно, кресало) (рис.1;8). Между колен, поперек погребенного был положен уникальный в своем роде предмет — топор — тесло. Судя по положению рабочей части, рукоять была обращена к северу — к правой руке покойного. Лезвие топора узкое, закругленное. Вместо обуха — вторая рабочая часть в виде тесла, расположенного в перпендикулярной плоскости к лезвию топора (рис.1;3). С юга, вплотную к топору, находился железный наконечник большого тесла (или мотыги) с трапецевидной рабочей частью и незамок — нутой втулкой.

Судя по указанным предметам, данное погребение могло быть совершено в VIII — IX вв. (сузить хронологические рамки имеющийся материал не позволяет).

Интерес представляет само наличие труположения на кремационном могильнике. Кремации VIII — X вв. мы связываем с угорской группой населения, вошедшей в состав Хазарского каганата (2). Расположенные рядом с ними ингумационные могильники этого же времени с северной и северо — восточной ориентировкой погребенных, на наш взгляд, принадлежат болгарам — оногурам (3, с.9 — 11). Ранее оногурский обряд подробно был рассмотрен болгарским археологом Димитром И.Димитровым в обобщающей работе "Об основных протоболгарских группах в степях Восточной Европы в VI — VII вв."

Автор аргументированно обосновал принадлежность погребений VI — X вв. с северной ориентировкой и рядом характерных признаков болгарам — оногурам. Погребение N28 на Молдавановском могильнике так же, несомненно, является оногурским.

Часто могильники болгар и племен обряда кремации располагались поблизости друг от друга, также рядом находились и их поселения. Смешение погребений тех и других на одном могильнике — вещь исключительная. Следует отметить, что других ингумационных погребений кроме N28 на Молдавановском могильнике не обнаружено, хотя по всей площади памятника было проведено снятие грунта до материкового суглинка.

По — видимому, какой — то представитель кубанских болгар (потомки орды Батбая) обитал среди угорской группы и, в конце концов, был похо —

Рис. к статье Ингумационное погребение в молдованоском кремационном могильнике (по раскопкам 1989 г.)

ронен на их кладбище. О причинах, побудивших его оставить своих со — племенников, можно предполагать разное, но, несомненно, болгарин являлся полноправным членом принявшей его общности. Хотя погребальный инвентарь 28 — ой могилы несколько отличен: наконечники копий такого типа не встречены ни в одном кремационном погребении, также отличны ножи — они больших размеров и, судя по расположению были заключены в одни ножны, как это применялось у салтовцев Подонья (4, с.143, рис.34).

Особый интерес представляет набор инструментов — топора — тесла, большого и малого тесла. Данные предметы позволяют говорить о принадлежности их хозяина к деревообрабатывающему промыслу. Может быть, болгарский "плотник" занимался деревообработкой у дружественного уг — рского населения, жил среди них и, как говорится, "пустил корни", обзавелся семьей. Но по смерти его были соблюдены все правила оногуро — болгарского погребального обряда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с.Молдовановское Крымского района в 1989г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990гг., Ейск, 1992.
2. Тарабанов В.А. Кремационные погребения VIII-Хвв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность //: XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов), Кисловодск, 1994.
3. Тарабанов В.А. Памятники оногуров на Кубани // Межрегиональная конференция Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды (тезисы докладов). Волгоград, 1992.
4. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Каминская И.В.

ЗАХОРОНЕНИЯ С АЛЬЧИКАМИ ИЗ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ГОРОДИЩА КУНЬША

В 1989 году в Лабинском районе Краснодарского края в 6 км. от станицы Ахметовской В.Н.Каминским было открыто городище Куньша. Городище занимает более 300 га. В настоящий момент это городище является одним из самых крупных на Северном Кавказе. Городище имеет сложную топографию, связанную, в первую очередь, с рельефом местности, где оно расположено. Площадь городища нами делится условно на шесть участков: Западный, Горный, Бабий бутор, Скворцовский бутор, Камни, Глубокий. Постройки на городище сделаны в основном из камня. На Западном участке прослежены остатки фундамента построек (усадеб), занимающих площадь 202 кв.м. На других участках прослежены развалы церквей. Размеры церковных сооружений разные построены они были в различных

архитектурных стилях. Апсиды в плане имели полукруглую или прямоугольную форму. Кладка стен храмов и построек характерна для VIII – XII вв. Она представляет собой двухпанцирную кладку с забутовкой. Внутри кладка сухая, без раствора. На участке Горном открыт культовый комплекс.

Первоначально были предприняты охранно – спасательные работы на грунтовом могильнике, которому угрожает частичное уничтожение сточными водами. Могильник расположен к востоку от цитадели. Погребальные сооружения располагались в 2–3 яруса и представляли собой каменные ящики, гробницы и ямы. Стенки гробниц и ящиков сложены из известняковых плит и речных валунов, насухо без раствора. Гробницы в плане имеют прямоугольную форму, перекрываются крупными плитами из известняка или песчаника. Эти погребения большей частью разграблены, так как находятся в верхнем ярусе могильника. Длинной осью погребения ориентированы по линии восток – запад. Между группами погребений прослеживаются кладки стен, вероятно разделяющие родовые участки.

Другая группа погребений представлена каменными ящиками прямо – угольной формы. Стенки ящика составлены из вертикально поставленных плит, хорошо отесанных. Из таких же плит делались перекрытия ящиков. К этой группе относится только одно погребение, но оно разграблено (рис.1,1).

Последняя группа погребений представлена ямами овальной или прямоугольной формы в плане. Погребенные лежали большей частью в гробах, от которых зафиксированы железные скобы и гвозди. Костяки лежали вытянуто на спине, у мужчин руки вытянуты вдоль туловища, у женщин кисти рук находятся на тазовых костях, ориентированы были головой на запад лицом на восток. В этой группе большой интерес представляют два погребения NN19,44. Погребение 19 было совершено в яме овальной формы, прослеженной неполностью. Предположительно длина ямы 1,95 м., ширина – 1 м. Костяк принадлежал женщине, лежал вытянуто на спине, череп слегка наклонен к левому плечу, кисти рук расположены на тазовых костях, ориентирован головой на запад (рис.1,4). Около левого бедра погребенного был открыт череп ребенка, под которым были сложены его кости. Погребение 44 было совершено в яме прямоугольной формы с закругленными углами, с отдельно лежащими каменными плитами по периметру. Длинной осью погребение ориентировано по линии ЮЗ – СВ.

Анализ погребального обряда показывает, что в обоих погребениях детские костяки находятся на вымостке из бараньих астрагалов. В погребении N19 их было 38. На части от них имеются отверстия, на другой части астрагалов имеются горизонтальные насечки, скрещенные линии, зигзаги, потертости от использования (рис.1,5). В череп был вонзен заостренным концом железный вертел длиной 50 см. Около черепа была найдена бронзовая пуговица диаметром 5 мм., такая же как и три, которые находились среди ребер ребенка. При разборке взрослого костяка были

обнаружены пастовая и халцедоновые бусы, раковина каури, амулет треугольной формы из створки раковины размером 26х18мм., под тазовыми костями найдена односоставная железная пряжка длиной 26мм. (рис.1,5). В погребении N44 костяк находился на вымостке из 36 астрагалов, которые как и в погребении N19 имели процарапанные знаки разного вида: прямоугольная или косая сетка, зигзаги, насечки; некоторые альчики имеют небольшие сквозные отверстия. Вероятно, это усиливает предположение, что астрагалы использовались как игровые и гадальные кости (1), хотя и нельзя исключить, что они были использованы в обряде обезвреживания, с которым связаны описанные погребения (2,с.51,52; 3,с.88).

ЛИТЕРАТУРА

1. Нахапетян В.Е. О назначении знаков на астрагалах // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
2. Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.
3. Плетнева С.А. От кочевий к городам. МИА N142, М. 1967.

Зеленский Ю.В.

Погребение воина - всадника из степного Прикубанья

В конце XIX — начале XXв. начинаются интенсивные археологические раскопки на Северном Кавказе и в том числе в кубанских степях. Среди археологов работавших здесь был профессор Петербургского университета Николай Иванович Веселовский.

В 1904г. им был раскопан курган в 4—х верстах от поселка Праздничный (ныне станица Раздольная Кореновского района), высотой свыше 10 м. (1,с.75). Судя по погребениям с окрашенными костяками, курган был насыпан в эпоху бронзы. В центральной части кургана было открыто впускное средневековое захоронение.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головою на восток (1, рис.154). Судя по рисунку яма была прямоугольной формы. Н.И.Веселовским специально были оговорены монголоидные черты погребенного.

В погребении был найден следующий инвентарь : кольчуга надетая на погребенного кольчужная рубашка доходила до тазовых костей (1, рис. 154). Шлем конической формы с пластинкой на верхней части. Сабля с брусковидным перекрестьем и овальным навершием ножны были украшены тремя кольцами из тонкой серебряной проволоки (1,рис. 161), видимо кольца предназначались для подвешивания сабли к поясу. Две шпоры V — образной формы. Медный котел с железной ручкой (1, рис. 156). В

захоронении также были два стремени арочной формы и восемь наконечников стрел разной формы. К сожалению по рисунку в отчете невозможно определить сечение пера.

Инвентарь имеет многочисленные аналогии среди половецких древностей XIII в. Подобные же сабли встречены и в адыгских погребениях (2, с.133). Сабли с аналогичными навершиями найдены и в погребениях черных клбук в Поросье, но там они более прямые (3, с.17 – 18) и поэтому датируются более ранним временем. Кольца видимо служили для подвешивания сабли к поясу. Они встречаются на саблях, но изготавливались из железа, а не из серебра как в данном случае. Шлем близок к пятому типу по типологии Г.А.Федорова – Давыдова. Такие шлемы довольно редки. Аналогичные шлемы встречены у с.Пешки Киевской губернии (4, с.34) и в половецком захоронении у хут.Пролетарский Кореновского района в Прикубанье (5). Они датируются 30 – ми годами XIII в. (6, с.31). Котелки небольшого размера часто встречаются в погребениях поздних кочевников после монгольского нашествия. Видимо они заменили бронзовые котлы. Шпоры в погребениях кочевников очень редкая находка. Известны всего два экземпляра и оба найдены в Прикубанье. По свидетельству современников кочевники не пользовались шпорами (7,).

Судя по некоторым деталям (шлем,кольчуга, сабля с серебряными украшениями,котелок) погребение принадлежало знатному кочевнику. А наличие в погребении шпор и стремян вместе с предметами вооружения свидетельствует о том, что это был воин – всадник, видимо тяжеловооруженный воин. Конница кочевников делилась на тяжелую и легкую. Тяжеловооруженные всадники были вооружены саблей луком и стрелами. Погребение может быть датировано временем не ранее 30 – х годов XIII в. Возможно это погребение монгольского воина или же половеца. Ведь многие из половецв влились в ряды монголов после их появления в степях Восточной Европы. Неподалеку от станицы Раздольной экспедицией А.А.Нехаева были открыты половецкие погребения. Из этого же района поступали в Краснодарский музей половецкие каменные изваяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОАК за 1904 год 2. Нагоев А.Х. К истории военного дела средневековых адыгов (XIV - XVII вв.). Орджоникидзе, 1986
3. Плетнева С.А. Древности черных клбук // САИ Вып. Е 1 - 19 1973
4. Федоров - Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966
5. Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // Историко - археологический альманах Вып. 3 Армавир - М., 1997
6. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3 Доспех комплекс боевых

Зажигина Л.Ю.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ С ПОСЕЛЕНИЯ У ст. ГОСТАГАЕВСКОЙ

В 1987г. сотрудниками Анапского музея в 3 — 4км. к югу от станицы Гостагаевской было средневековое поселение и на его территории собран разнообразный подъемный материал (1,с.139 — 142). Среди керамических находок выделяются курительные трубки, одна из которых сохранилась почти полностью, три других представлены лишь фрагментами втулок.

Большой интерес представляет фрагмент втулки трубки в виде упло — щенношаровидной муфты, украшенной двумя рядами выпуклой S — об — разной цепочки, ограниченной с двух сторон пунктирной накаткой. Со стороны отверстия муфта имеет усеченно — конический выступ, от про — должения втулки сохранился лишь небольшой фрагмент с неясным орна — ментом. Глина серая, плотная (Рис.1,1).

Подобная трубка обнаружена в турецком слое Коринфа и Р.Робин — сон датирует ее XVII веком (2,Р.171,С.2).

Два других фрагмента трубок почти идентичны. Это круглые в сече — нии втулки с орнаментальным рельефным пояском, состоящим из широкой наклонной накатки, выпуклого валика, одинарной кольцевой бороздки, пун — ктирной накатки и широкой зубчатой накатки. Муфта биконическая с усеченно — коническим выступом со стороны отверстия. Одна трубка красноглиняная, другая сделана из светло — коричневой глины (рис.1,2,3).

Полных аналогий подобным втулкам найти не удалось. Трубка, близ — кая по форме, изображена на турецкой миниатюре XVII века (2,Р.133). И последняя из рассматриваемых находок, это трубка с гладкой чашей тюль — пановидной формы, основание у которой уплощенношаровидное, устье цилиндрическое, сохранилось фрагментарно. В месте соединения основа — ния и устья выпуклый валик. Втулка круглая в сечении, муфта шаровидная, имеет одинарную бороздку в месте соединения со втулкой и кольцевую пунктирную накатку со стороны отверстия. Киль слегка выступающий, отделен от чаши пунктирной накаткой. На втулке клеймо в виде птички. Глина светло — коричневая, изделие покрыто нестойкой красной краской (рис. 1,4).

Находки подобных трубок многочисленны в Анапе. По материалам раскопок в Афинах Р.Робинсон датирует эти трубки XVIII веком (2,Р.195).

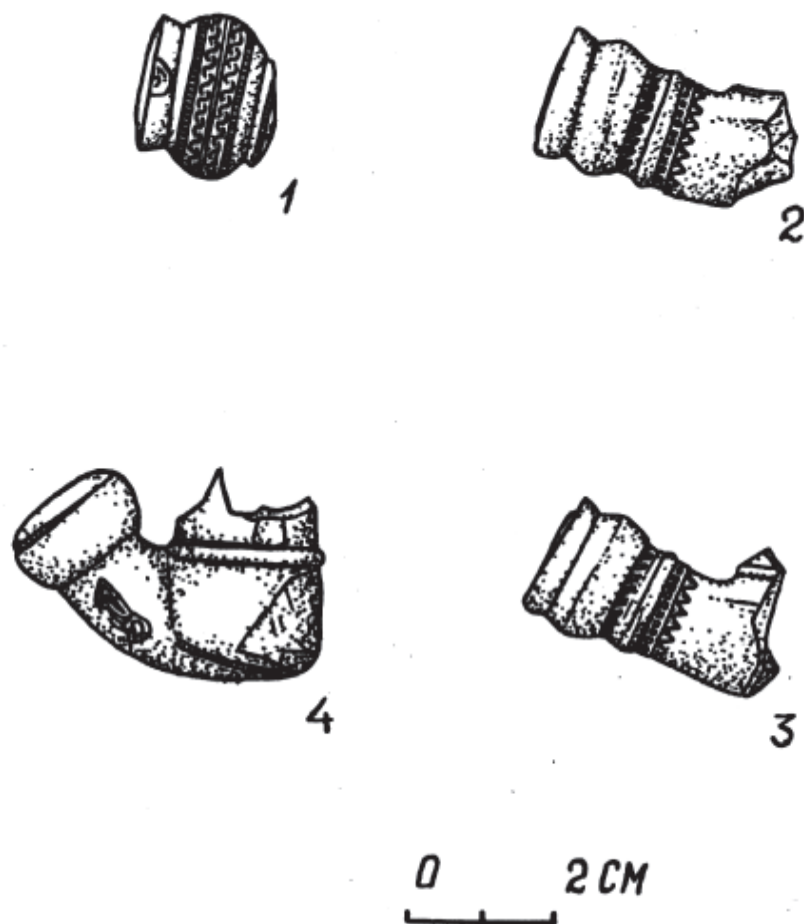

Рис. К статье *Керамические трубки с поселения у ст. Гостагаевской*

Рассмотренные выше фрагменты трубок в совокупности с некоторыми другими находками в окрестностях ст. Гостагаевской (1) позволяет предположить возможность существования здесь поселения в XVII — XVIII веках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новичихин А.М. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // *Древности Кубани и Черноморья*. I. Краснодар, 1993.
2. Robinson R., *Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora* // *Hesperia*. Vol. 54, N2.

Кондрашев А.В., Янковский Ю.Н.

ИЗ ОПЫТА КОНСЕРВАЦИИ ВЛАЖНОЙ КОРАБЕЛЬНОЙ ДРЕВЕСИНЫ

Для сохранения деталей корабельного корпуса и изделий из древесины, долгое время находившихся в морской воде, необходимо решить две основные проблемы : предотвратить гниение дерева и стабилизировать его состояние. Для этих целей в настоящее время применяются, в основном, полиэтиленгликоль (ПЭГ) или олигомерные соединения (фенолоспирты). В результате обработки этими консервантами древесина приобретает значительную прочность, негорючесть, одновременно создаются неблагоприятные условия для жизнедеятельности микроорганизмов .

Однако, консервант ПЭГ используется преимущественно за рубежом, а процесс обработки древесины фенолоспиртами очень дорог, длителен и практически невыполним в полевых условиях (особенно для крупногабаритных предметов), т.к. требует создания специальных ванн, установку печей и проведения термообработки по сложному режиму. Поэтому был проведён поиск новых консервантов древесины с целью использования композиций в полевых условиях .

Для проведения серии практических экспериментов , были взяты образцы корабельного набора корпуса парусного судна нач. XIX века , обнаруженного в прибрежной зоне у с. Витязево (Анапский район) в 1982 году . Сохранилась конструкция длиной около 22,0 м с острыми носовыми и кормовыми обводами, форштевнем и ахтерштевнем , килевым набором с двумя степсами для мачт, парными шпангоутами . По заключению специалиста Центрального Военно — Морского музея А.Л.Ларионова, судно являлось вооруженным транспортным средством Морского ведомства (попалкой или черноморской бригантиной), поддерживавшим связи между Кавказскими и Крымскими берегами. В связи с решением о нецелесообразности извлечения всей конструкции из воды и ее музеефикации, под —

водная археологическая экспедиция Краснодарского музея — заповедника предоставила ряд деградированной, пропитанной морской водой корабельной древесины в лабораторию полимеров ВНИИПИтермнефть для разработки консервирующих составов и дальнейшей обработке отдельных деталей корпуса.

В лабораторных условиях на предварительно подсушенных образцах была первоначально изучена композиция, состоящая из смолки этилсиликатов и 5—10% (к массе смолки) кристаллогидрата хлорного железа, выполняющего в данном случае две функции: поставщика молекул воды и катализатора процессов гидролиза смолки этилсиликатов.

Данная композиция по отношению к подсушенной деградированной древесине обладала высокой пропитывающей способностью (поглощалось по 200% композиции на массу образца). После отверждения смолки при 20—26 °С в течение 1—3 суток, механическая прочность образцов возросла на 10—20%, а их водопоглощение снизилось в 8—10 раз. Однако, хлорное железо придавало в большинстве случаев зеленоватую окраску, что противоречит требованиям, — предъявляемым к законсервированным изделиям. В результате дальнейших исследований пришлось отказаться от композиции, содержащей кристаллогидрат хлорного железа, а также подсушки древесины в виду возможности ее коробления, растрескивания и ломки, т.е. потери изделием первоначальной формы и целостности (как известно, при высыхании дерево дает в два раза большую усадку, чем свежая древесина). Был подобран другой состав на основе алкоксисилана и ледяной уксусной кислоты (1 — 5 % на массу силана). Уксусная кислота в этой композиции выполняла роль катализатора процессов гидролиза силанов и поликонденсации образовавшихся продуктов. В качестве добавки использовалась борная кислота.

Пропитка контрольных образцов древесины (дуб и сосна) в течение трех дней при температуре 22 — 25° С дала положительные результаты. Впитывалось около 40% состава на единицу массы, повысилась механическая прочность до 20%, форма, цвет и объем образцов не изменились.

В полевых условиях было решено провести процесс консервации полученной композицией отдельных деталей корпуса судна — степса грот-мачты, фрагментов шпангоута и обшивки.

После непродолжительной подсушки деревянных деталей (для удаления поверхностной воды), их покрывали с помощью кисти консервирующим составом. Эта операция повторялась до восьми раз в течении светового дня. Постоянно велось наблюдение за тем, чтобы вся композиция впитывалась древесиной без остатка, т. к. в противном случае создавалась вероятность образования на поверхности лакового слоя, что также противоречит принципам консервации. Обработка продолжалась в течении трех дней до полного прекращения впитывания композиции древесиной.

Визуальные наблюдения за состоянием обработанной древесины по —

казали достаточно глубокое проникновение консерванта, но относительно медленное отверждение силана и недостаточную степень укрепления поверхностного слоя древесины. Поэтому через пять дней после — дней обработки деталей, фрагменты обшивки и шпангоута были несколько раз покрыты 30% раствором полиизоцианата “К” в толуоле, что привело к значительному повышению прочности поверхностного слоя.

Таким образом, результаты эксперимента открывают определенные перспективы использования составов на основе алкоксисиланов и силосанов для консервации деградированной, влажной археологической древесины. Важной отличительной особенностью этих соединений является способность отверждаться при нормальной и даже низкой температуре под действием воды, содержащейся в обрабатываемом материале.

Фролов Б.Е.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ХОЛОДНОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ

На вооружении черноморских казаков находилось два вида холодного оружия с длинным клинком — сабли и шашки. Свое боевое применение они находят, прежде всего, в коннице. Оружие конного черноморца, уровень технического владения им были обусловлены целым рядом исторических, военно — тактических и социально — экономических причин.

В Черноморском казачьем войске кавалерия являлась наименее боеспособным родом войск. В какой — то мере, это продолжение традиций Запорожской Сечи, где немногочисленная конница выполняла вспомогательные функции (1). К тому же, большую часть Черноморского войска составили не бывшие сечевики, а “вольные охотники” (2,с.118). Приток различных беглых элементов, переселение малороссийских казаков (фактически крестьян) определили наличие в войске большого количества малоподготовленных в боевом отношении людей. Отсутствие должного обучения, слабое вооружение, условия кордонной службы и низкое качество конского состава — обусловили невысокий уровень черноморской конницы.

Это не было секретом для современников Кавказской войны и кубанских историков. И.Д.Попко писал, что наездничество и удалство малодоступны черноморскому казаку, “ часто разлученному с конем и коснеющему в засаде...” (3,с.193). К этому наблюдению Е.Д.Фелицын добавил следующее : “ О наездническом развитии, о строевом образовании и вообще об изучении разносторонних требований службы редко кто заботился и мог заботиться” (4,с.297). Историк Кавказской войны Потто отмечал: “Конные черноморские казаки редко в состоянии были состязаться с превосходными вражескими силами (5,с.1007). Со временем, складывается психологический стереотип о сложности борьбы с конными горцами

клинковым оружием. Чтобы дать пример успешных действий казачьей конницы против черкесов, атаман Г.А.Рашпиль испрашивает у императора разрешение брать в походы льготных гвардейских казаков, обученных регулярному строю. Тем не менее, в 1860г. И.Д.Попко заметил, что черноморская конница с самого начала уступила черкесам "и потом никогда уже не была в состоянии взять над ней преимущество, ни даже поравняться с нею" (6,с.110).

Подсобное значение конницы в Черноморском войске сказалось на степени распространенности клинкового оружия среди казаков и масштабах его употребления в боевых акциях. В ряде работ мы уже обосновали отсутствие сабель на вооружении черноморских казаков вплоть до 1817г. (7). Следовательно, на протяжении трех десятилетий существования казачьего войска, вообще не приходится говорить о боевом применении клинкового оружия. В 1816г. для Черноморского войска утвердили образцы одежды и вооружения. Конным и пешим казакам надлежало иметь л е г к о к а в а л е р 2 и 0 й с к у ю саблю образца 1809г. (следует заметить, что деление на конные и пешие полки было достаточно условным: и в тех и в других всегда имелись конные и пешие казаки; по указу Войсковой канцелярии 10 декабря 1817г. в пеших полках полагалось 300 конных казаков).

Вооружение казаков саблями, начатое после ее внесения в число штатного оружия, так никогда полностью и не завершилось. Тяжелое материальное положение, неудачный образец холодного оружия, ненужность сабли для казака на кордонной службе, заставляли многих уклоняться от их приобретения. Так в 1823г., в шести поступивших на службу полках не хватало 1027 сабель. То есть, каждый третий казак был без сабли. Отсутствие традиции употребления клинкового оружия, специфика организации пограничной службы черноморцами привели к тому, что казаки, имевшие сабли, не использовали их в боевой практике. При осмотре генерал – майором Власовым Черноморской кордонной линии в 1820г., все сабли у казаков оказались незаточенными. Это было естественно, ибо сабли лежали на постах мертвым грузом. Материалы проверок пограничной службы свидетельствуют, что казаки несли боевое дежурство без них.

Взгляды казаков на ненужность сабель разделяло и войсковое начальство. В 1821г. атаман Матвеев, пытаясь оправдать отсутствие у казаков положенного оружия, заметил, что "нужным и необходимым по роду здешней службы" является ружье, а его имеют практически все. Действительно, ружье было и навсегда осталось главным оружием черноморцев. Поэтому, при встречах с неприятельской кавалерией они, как правило, действовали огнестрельным оружием, нередко при этом спешиваясь. При неизбежности рукопашной схватки использовали пику. В сотнях рапортов о стычках с черкесами встречаются только такие выражения: "вдарили с ружей", ружейною перестрелкою отбились", "перепалка" и т.п.

Последующие годы мало изменяют отношение казаков к клинковому оружию. Схватки с его применением очень редки и, можно сказать, вынужденны. Историк черноморского казачества П.П.Короленко, описывая боевые эпизоды середины 30 — х гг. XIX в. признает неумение казаков владеть саблями (8, с. 287). С 1840 г. на вооружение черноморцев поступает общеказачья шашка образца 1838 г. Поскольку пика оказалась оружием малоэффективным в борьбе против горцев, ее разрешают применять "только в удобных и нужных случаях". Тем не менее, она остается главным холодным оружием казаков, а шашка — второстепенным. Материалы проверок пограничной службы показывают, что шашки у казаков, как раньше и сабли, остаются незаточенными (т.е., как оружие они не используются). 5 ноября 1852 г. атаман Я.Г.Кухаренко вынужден издать специальный приказ по войску "об отвострении клинков у шашек" (9, л. 1). Одновременно он добивается окончательной отмены пик в действиях против горцев, как оружия обременительного и малополезного. Казалось бы, теперь шашки станут основным холодным оружием казаков и найдут боевое применение. Но в 1853 г. атаман вновь повторяет приказ о заточке шашек. Следующие несколько лет показали полную неподготовленность и неумение черноморской кавалерии владеть холодным клинковым оружием. 7 января 1858 г. наказной атаман Черноморского казачьего войска издает приказ, в котором констатировалось: "...казачьи шашки, по непривычке казаков к действию оными, также не предлагают надлежащего обеспечения к успеху дела, я признал нужным чтобы впредь казаки в ходе на очередную кордонную службу и на подкрепление границы всегда имели пики" (9, л. 1). Признание ясное, недвусмысленное, расставляющее все точки над i.

Наши взгляды вполне согласуются с мнением Ф.А.Щербины, считавшим шашку и умение владеть ею, отличительным признаком линейцев, а ружье и пушку — главным оружием черноморцев (10, с. 825). У последних сабли и шашки не находят широко боевого применения. Отсутствие устойчивой традиции использования холодного оружия, уровень владения им, слабая кавалерийская подготовка только способствовали закреплению приоритета оружия огнестрельного. Клинковое оружие находилось у черноморских казаков на последнем плане, так никогда не достигнув того значения, которое ему придавали адыги и линейные казаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берлизов А.Е. О некоторых коневодческих, кавалерийских и конноспортивных традициях кубанского казачества // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984 г.; Боплан Г.Л. Опис Украины Киев, 1990.
2. Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 гг. // Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. Екатеринодар, 1881 г.
3. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1898 г.
4. Фелицын Е.Д. Кошечные, войсковые и наказные атаманы бывшего Черноморского,

Кавказского линейного и ныне Кубанского казачьих войск, Кубанское казачье войско 1696 - 1888 гг. Воронеж, 1888г.

5.Потто В.А. Генерал Власов // Орлов П. Сборник материалов для казачьей хрестоматии Кубанского Казачьего войска т.II Екатеринодар, 1916г.

6.Есаул.Пешие казаки // Военный сборник N11 СПб, 1860г. 7.Фролов Б.Е. Оружие черноморских казаков I - й половины

XIXв.// Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1992г.; Холодное клинковое оружие кубанских казаков // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993г.

8. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Екатеринодар, 1910г.

9.ГАКК (Государственный архив Краснодарского края) Ф.254, Оп.1,д.817.

10.Щербина Ф.А.История Кубанского казачьего войска т.II.Екатеринодар, 1913г.

Бондарь В.В.

СТИЛЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ЕКАТЕРИНОДАРА (конец XVIII - начало XX веков)

Предлагаемая вниманию работа имеет целью выявление и характеристику архитектурных стилей дореволюционного Екатеринодара. Необходимо сразу же оговориться, что вести речь об архитектурном содержании города можно лишь с 70 – 80 – х гг. XIX века, поскольку до этого времени лишь здания культа и несколько гражданских зданий имели отличительные художественные черты на фоне рядовой застройки (т.е. обычных глинобитных хат и землянок).

Первый архитектурный стиль Екатеринодара определить практически невозможно: в начальный период существования города здания, ценные в художественном плане, не имели единой стилиевой идеи – дома атаманов Ф.Я. Бурсака и Я.Г. Кухаренко (сохранились до наших дней – ул. Красноармейская, 6 и ул. Октябрьская, 25 соответственно), здание войскового училища. Построенные в 1802 году Войсковой собор Во имя Воскресения Господня и в 1814 году Войсковой собор Во имя Святой Екатерины великомученицы – замечательные произведения деревянного храмового зодчества – также трудно идентифицировать со стилиевой точки зрения. Можно лишь некоторой долей условности обозначить первый храм, как выдержанный в южнорусских, а второй – в малороссийских архитектурных

традициях.

Сведений относительно внешнего облика церквей Во имя Святого Фомы, Святого Иоана и Святого Дмитрия Ростовского (1818 г.) пока не обнаружено. Период 30 — начала 70 — х гг. XIX века в архитектуре Екатеринодара был, несомненно, периодом классицизма. Это художественное направление стремилось подражать классическим образцам античности. Главным законом классицизма в архитектуре был примат объема сооружения над окружающим пространством, а также использование ордеров. Екатеринодарский классицизм можно определить, как поздний русский классицизм. Совершенно отчетливо он был выдержан в архитектурном решении зданий войсковой богадельни и церкви Во имя Божией Матери всех скорбящих Радости (1842 г., ул. Длинная, 123) при ней, церкви Во имя Святого Дмитрия Ростовского (1848 г.), здания войскового архива (1834 г.). Неизвестно, как выглядела церковь Во имя Всех Святых, построенная на кладбище и освященная в 1852 году.

Архитектура Войскового Александра — Невского собора, строившегося более 20 — ти лет и освященного в 1872 году, имела как черты классицизма — подчеркнутая центричность, монументальность — так и черты "русско — византийского" стиля, проявившегося в килевидных закомарах и луковичной форме куполов.

Основным архитектурным стилем Екатеринодара в 70 — х гг. XIX — начале XX вв. был эклектизм, имевший тогда распространение практически по всем городам Российской империи. Это стиль, возникший из отрицания строгости и нормативности классицизма, провозглашал принцип "разностилья", использования мотивов различных стилей в убранстве одного здания. Эклектичные постройки стали появляться в Екатеринодаре уже тогда, когда эклектизм уже оформился как стиль в крупных городах России. Иными словами, он был привнесен в своей "зрелой" форме.

Характерно, что разнообразие функционального назначения зданий определило разнообразие форм екатеринодарской эклектики, хотя это проявлялось только в оформлении фасадов: декор в эклектики раскрывал функциональное содержание сооружения без связи с внутренней планировкой. В стиле эклектизм в Екатеринодаре было выстроено огромное количество зданий. В качестве примера можно привести дом купцов Богарсуковых (конец XIX в., Гимназическая ул., 67), здания гостиницы "Гранд — отель" (конец XIX в., Гимназическая ул., 69), I — ой мужской гимназии (1906 г., Красноармейская ул., 54).

С 1907 — 1908 гг. в гражданской архитектуре Екатеринодара на смену эклектизму пришел новый стиль — модерн (Ар Нуво, Югенд — штиль, Сецессион, Модерн Стайл). Происхождение его западноевропейское, но в России этот стиль приобрел столько специфических черт, что многие специалисты выделяют "русский модерн", как отдельное стилевое направление. Модерн, базирующийся на достижениях научно — технического прогресса в области новых строительных материалов, конструкций и стро —

ительной техники, предложил качественно новый тип связи между утилитарным значением здания и его художественным содержанием, он стремился достичь эстетической выразительности путем художественного осмысления утилитарных элементов, учитывая их назначение.

В Екатеринодаре модерн пришел в своей "рациональной" форме, и в течение всего нескольких лет выразился в таком количестве зданий, что мог уже составить конкуренцию эклектике. Примеры модерна в Екатеринодаре — дома М.Каплана (1911 г., Гимназическая ул., 83). Х.Фотиади (1910 г. ул. Ленина, 53), здание 2-го Общественного собрания (1913 г., Красноармейская ул., 48).

Параллельно эклектики и модерну в архитектуре Екатеринодара в 80-х гг. XIX — XX вв. наличествовал русский "национальный" стиль. В первую очередь это относится к зданиям культа — церквям Во имя Покрова Божией Матери (1882 г.), Во имя Святителя Николая Мирликийского (1883 г.), Во имя Воскресения Господня (1892 г.), Во имя Святого Георгия Победоносца (1900 г., Северная ул., 384), Во имя Илии Пророка 1907 г., Октябрьская ул., 149), Во имя Святой Троицы (1910 г., ул. Фрунзе, 65), Семипрестольный кафедральный собор Во имя Святой Екатерины великомученицы (1914 г., ул. Коммунаров, 48). Изображений Баталионной и Миссионерской церквей не обнаружено.

В гражданской архитектуре Екатеринодара конца XIX — начала XX вв. русский "национальный" стиль прослеживается в художественном решении дома Ялового (конец XIX в., ул. Пушкина, 43), бани Лихацкого (конец XIX в., Длинная ул., 120), жилого дома по ул. Горького, 102 (конец XIX века).

С начала XX века в архитектуру Екатеринодара проникает неоклассицизм. Это стилевое направление провозглашало возвращение к художественным канонам классицизма, но выражалось, в основном, лишь в декоративном решении фасадов: использовании ордеров при оформлении колонн, полуколонн и ризалитов, применении имитации античной скульптуры и рельефов. За исключением лишь двух зданий — Мариинского женского института (1906 г., ул. Красная, 4) и дома Березовского (начало XX в., Коммунаров, 59) — неоклассицизм использовался только в виде отдельных деталей в решении фасадов современных по планировке зданий, например Общества Взаимного кредита (1915 г., ул. Орджоникидзе, 39) и водолечебницы С.И.Бабыч (1916 г., ул. Захарова, 16).

Помимо обозначенных архитектурных стилевых направлений в Екатеринодаре начала XX века встречались единичные здания, выдержанные в стиле "туркери" ("восточный" стиль) — магазин Л.Гана (не сохранился) и дом Рымаревича — Альтманского (ул. Пушкина, 59).

Романский стиль, барокко, стиль "шинуазери" (китайский) встречались только в отдельных деталях оформления фасадов, и могут рассматриваться лишь в контексте архитектурной эклектики, а не как самостоятельные художественные стили в архитектуре Екатеринодара.

Всего лишь одно здание в дореволюционном Екатеринодаре было построено в стиле конструктивизм — здание почтово-телеграфной конторы

(ныне Главпочтамт).

Следует отметить, что ни один из архитектурных стилей Екатеринодара, начиная с 70-х гг. XIX в., не выдерживался в "чистом" виде, а почти всегда хотя бы в деталях, но сочетался с другими стилями и местными традициями (в частности, широко использовалась "кубанская" ковань). В целом архитектурное содержание Екатеринодара в 70-е гг. XIX — начале XX вв. было эклектичным, и такое "разностилье" довольно удачно сочеталось с регулярной прямолинейной планировкой города.

Содержание

Е.А.Хачатурова (Ярковая)	
НИКИТЕ ВЛАДИМИРОВИЧУ АНФИМОВУ - 85 лет	3
Пьянков А.В., Пономарев В.П.	
Два кобанских предмета из Абинского народного музея	7
Фоменко В.А., Рудницкий Р.Р., Берлизов Н.Е.	
ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ОКРЕСНОСТЕЙ г. ЖЕЛЕЗНОВОДСКА	11
Харалдина З.Е.	
НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ НЕКРОПОЛЯ ГОРГИППИИ(из коллекции Анапского музея).	13
Новичихин А.М.	
ВТОРИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИЧНЫХ МОНЕТ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ МОГИЛЬНИКЕ АНДРЕЕВСКАЯ ЩЕЛЬ	14
Берлизов Н.Е., Журавлев В.Г.	
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ 0 ВАРВАРСКИХ ОБЩЕСТВ.	16
А. Бельский	
Проблема битвы на реке Фат в 309 г. до Р.Х.	19
А.И.Семенов	
К оценке различий погребального обряда курганных захоронений типа Сивашовки и типа Соколовской балки	22
Тарабанов В.А.	
ИНГУМАЦИОННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В МОЛДАВАНОВСКОМ 0 КРЕМАЦИОННОМ МОГИЛЬНИКЕ (ПО РАСКОПКАМ 1989Г.)	24
Каминская И.В.	
ЗАХОРОНЕНИЯ С АЛЬЧИКАМИ ИЗ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ГОРОДИЩА КУНЬША	27
Зеленский Ю.В.	
Погребение воина - всадника из степного Прикубанья	30
Зажигина Л.Ю.	
КЕРАМИЧЕСКИЕ КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ С ПОСЕЛЕНИЯ У ст. ГОСТАГАЕВСКОЙ	32
Кондрашев А.В., Янковский Ю.Н.	
ИЗ ОПЫТА КОНСЕРВАЦИИ ВЛАЖНОЙ КОРАБЕЛЬНОЙ ДРЕВЕСИНЫ	34
Фролов Б.Е.	
УПОТРЕБЛЕНИЕ ХОЛОДНОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ	36
Бондарь В.В.	
СТИЛЕВЫЕ НАПРПВЛЕНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ЕКАТЕРИНОДАРА (конец XVIII - начало XX веков)	39
Список сокращений	44

Список сокращений

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

ВДИ - Вестник древней истории.

КСИА - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.

МАК - Материалы по археологии Кавказа.

ОАК - Отчеты Археологической комиссии.

РА - Российская археология.

СА - Советская археология.

САИ - Свод археологических источников.